

После взятия Орла очередной целью немецкой 2-й танковой армии стала Тула как самый крупный индустриальный город, прикрывающий Москву с юга. Гудериан только что совершил танковый марш, продвигаясь по 130 км в день, твердо был уверен в деморализации советских армий и надеялся пройти расстояние до Тулы (180 км) за 2—3 дня. Действия противника по нанесению удара на Тулу начались сразу после захвата Орла, т. е. 3 октября 1941 года.

В этой обстановке Тульский обком и горком партии вместе с командующим Московским военным округом генерал-лейтенантом П. А. Артемьевым приняли экстренные меры по подготовке к обороне. 3 октября в Туле был создан Городской комитет обороны. Все воинские части и формирования, находившиеся в Туле и ее окрестностях, были подчинены командующему Московским военным округом. Он приказал направить в район Мценска силы Тульского гарнизона. По тревоге были подняты истребительный батальон, 14-я стрелковая запасная бригада, курсанты Тульского оружейно-технического училища, 400 бойцов полка НКВД. Сборы закончили к девяти часам утра 4 октября 1941 года, и 5500 человек отправились в распоряжение 1-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор Д. Д. Лелюшенко.

5 октября 1941 года наши соединения остановили «бронированный кулак» 2-й танковой армии Гудериана. Последовавшая пауза в боях за Мценск была использована командованием Красной Армии для приведения в порядок войсковых соединений. 21—23 октября 1941 года вышла из окружения основная часть сил Брянского фронта, в том числе и 50-я армия. Ударом на Белев она смела вражеские части, прорвалась через боевые немецкие порядки, переправилась в районе Белева через Оку и перешла к обороне. Однако эта армия находилась в плачевном состоянии, в ней оставалось всего 9727 солдат и офицеров, 35 орудий, 46 пулеметов и всего 8 минометов. При выходе из окружения 10 октября 1941 года погибли командующий армией Герой Советского Союза генерал-майор М. П. Петров (он был тяжело ранен и умер через месяц от гангрены) и член Военного Совета, бригадный комиссар Н. А. Шляпин. В командование 50-й армией в соответствии с директивой Ставки 13 октября вступил генерал-майор Ермаков.

В соответствии с директивой ставки ВГК от 23.10.1941 года соединения и части

формируемой 26-й армии (командующий А. В. Куркин) были переданы для усиления 50-й армии. В подчинение А. Н. Ермакову перешли: 10-я стрелковая дивизия, танковая дивизия, 2-я кавалерийская дивизия. Это уже была внушительная сила, способная остановить Гудериана.

23 октября немецкая 2-я танковая армия возобновила наступление на тульском направлении. К исходу 24 октября противник, имея превосходство, прорвал оборону 6-й гвардейской стрелковой дивизии и занял поселок Чернь. 25 октября в наступление перешли все соединения 2-й танковой армии Гудериана. Оставшиеся после боев под Мценском немецкие танки 24-го танкового корпуса были объединены под командованием полковника Эбербаха в особую группу и вместе с полком «Великая Германия» образовали авангард наступления на Тулу.

24 октября штаб 50-й армии прибыл в город оружейников. Временно исполняющим обязанности командующего армией был назначен генерал-майор Куркин. Ермаков до 25 октября занимался управлением оперативной группой войск 50-й армии, поэтому первые документы по обороне Тулы подписывал А. В. Куркин.

Алексей Васильевич Куркин произвел на первого секретаря Тульского обкома партии Жаворонкова неважное впечатление. Генерал был растерян, и как командующий армией, прибывшей защищать Тулу, не выражал необходимую твердость. Жаворонкову хотелось знать действия армейского командования и понимать, какие меры военные принимают для защиты города. Он хотел влиять на распоряжения и приказы военных. И тут ему представляется и. о. командующего 26-й армией Куркин. Чувствовалось, что настроение у командарма было подавленное, он сразу начал рассказывать Жаворонкову о сложностях военной обстановки на подступах к Туле. Василию Гавриловичу надоело это ныть, и он прервал Куркина вопросом:

— Товарищ генерал, скажите, сколько у противника танков?

Куркин промолчал. Жаворонков повторил свой вопрос:

— Сколько у противника танков?

И Куркин ответил, потрясая поднятыми к голове руками:

— Что танки, танки?.. Сам Гудериан сюда идет!

— Ну, и черт с ним, что он идет. Сколько здесь у него танков?

— Вам это для чего? — вопросом на вопрос ответил генерал.

— Я артиллерист.

— 400! — Выпалил собеседник первого секретаря.

— Вот это другой разговор.

— Как!

— Да так! Не так страшен черт, как его малюют! Вы все боитесь Гудериана, он запугал вас своими немецкими танками, вы все дрожите от него. А мы, туляки, сейчас поставим полсотни 85 мм зенитных орудий на танкоопасных направлениях, направим на немецкие танки и будем бить их, как молотком по орехам. Не надо бояться Гудериана, он обычный наглый, хоть и неглупый немецкий генерал, которому пока везет на поле боя, но здесь, под Тулой, мы раскатаем его в стельку. Вот увидите, товарищ генерал. Вы уезжаете в Москву, а нам из Тулы некуда уезжать!

«Такой оборот разговора вразумил моего собеседника,— вспоминал Василий Гаврилович,— он ушел от меня с другим настроением. Тула будет сражаться!»

25 октября в Тулу прибыл генерал-майор Ермаков и даже не зашел в городской комитет обороны, не представился Жаворонкову. Он был твердый, сильный генерал и вел себя независимо. Василию Гавриловичу о прибытии командарма доложили, и ему очень не понравился этот вызывающий поступок генерала. Из тактических соображений Ермаков перенес свой штаб в поселок Медвенка (северо-восточнее Тулы), чем снова вызвал недовольство Жаворонкова.

Я считаю, что, конечно, был неправ генерал Ермаков. Он не придал соответствующего значения взаимодействию с партийным и советским руководством области.

Ермаков со своей армией отступал от западных границ, громил фашистов, выводил свои части из окружения, и нигде ему не оказывали никакой помощи штатские руководители. Он привык не надеяться на них и сам решать стоящие перед ним задачи. А здесь он был поставлен главным военным начальником обороны города. Поэтому и вел он себя так независимо. Но в Туле первый секретарь обкома партии Жаворонков тоже являлся личностью. Причем незаурядной. В Туле, был большой собственный военный гарнизон, и Жаворонков привык решать вопросы обороны города совместно с командирами местных частей. Он не отсиживался в тиши кабинета, он воевал и хотел знать все планы командования 50-й армии по отражению танкового генерала Гудериана.

Я фрагментарно коснусь лишь главных этапов защиты Тулы и остановлюсь лишь на некоторых психологических моментах поведения и действий командиров как советских войск, защищавших Тулу, так и германских, стремившихся захватить город оружейников.

24 октября с целью обхода плотного заслона советских войск на шоссе Орел—Тула, боевая группа полковника Генриха Эбербаха из состава 24-го танкового корпуса форсировала Зушу севернее шоссе и, переправив на другую сторону реки свои танки и артиллерию, начала продвигаться к Плавску, выходя глубоко в тыл оборонявшимся на шоссе советским частям. Тем самым командир 3-й танковой немецкой дивизии генерал Герман Брайт вынудил войска 50-й армии отступить в северо-восточном направлении к Туле. Командующий 50-й армией генерал Ермаков знал, чем грозит его армии окружение, потому он с боями выравнял сплошную линию обороны.

В тот же день в направлении на Тулу наступали другие соединения 2-й танковой армии. В первом эшелоне двигался 24-й танковый корпус (командующий — генерал танковых войск Гейер фон Швеппенбург), во втором эшелоне — 47-й моторизованный корпус (командующий — генерал танковых войск Йоахим Лемельзен). В направлении Белев—Алексин—Тула наносили удар 43-й (командующий генерал пехоты Готхард Хейнрици) и 53-й (командующий — генерал пехоты Карл Вайзенбергер) армейские корпуса.

Танки Гудериана идут на Тулу

26 октября наступающие немецкие танки группы Эбербаха достигли Плавска, в следующие три дня (27—29 октября) — поселков: Ясная Поляна, Косая Гора, Ивановские Дачи. Деревня Ново-Басово была также занята немецкими частями.

Генерал-майор Ермаков готовился к отражению штурма Тулы и, находясь на передовой, лично расставлял части своей армии на наиболее вероятных направлениях танковых атак противника. Дальнейшие события в целом подтвердили правильность действий Ермакова. Учитывая манеру немцев осуществлять обходы и наносить фланговые удары, он оптимально осуществлял перемещение частей на направления ожидаемых ударов войск противника, проводя активные упреждающие действия на различных участках обороны самой Тулы.

Гудериан писал:

«29 октября наши головные танковые подразделения достигли пункта, стоящего в 4-х километрах от Тулы. Попытка захватить город с хода натолкнулась на сильную противотанковую и противовоздушную оборону и окончилась провалом, причем мы понесли значительные потери в танках и офицерском составе».

Гудериан в этот день получил второй после Мценска сильнейший удар. Он был в растерянности, но приказал снова наступать на Тулу, усилив состав своих частей. Ночью 30 октября Гудериан бросил в район Орловского шоссе 80 танков, две роты мотоциклистов и полк пехоты. Несмотря на значительное превосходство противника, эта атака была опять отбита. Потеряв 19 танков, немцы отошли. Но Гудериан не отступал. Он был взбешен упорством защитников Тулы и, сосредоточив танковые части и элитный пехотный полк «Великая Германия», в 8 час. 30 мин. 30 октября снова бросил войска в атаку.

Генерал Ермаков правильно определил направление главного удара Гудериана и подготовился к его отражению. Атака немцев проводилась массировано с разных направлений. Вдоль Орловского шоссе при поддержке артиллерийского и минометного огня на Тулу наступали два батальона пехоты с 50-ю танками, а в направлении Гостеевка — Тула — батальон пехоты и 30 танков, по Воронежскому шоссе — рота мотоциклистов и 18 танков.

Атаки были отбиты на всех направлениях. В 16 часов 30 октября немцы предприняли четвертую за день атаку. По Орловскому и Воронежскому шоссе двигалась группа танков по 15—20 штук и два батальона пехоты. Противник занял предместье, отстоящее от Тулы на 15—20 км. Дальнейшее его движение было остановлено зенитной артиллерией. Было подбито 5 вражеских танков. В итоге боев 30 октября советские войсковые подразделения уничтожили 31 танк противника.

Штаб немецкого 24-го танкового корпуса в этот момент находился в Ясной Поляне. Давайте отвлечемся, дорогой читатель, от военной темы и коснемся темы пребывания немцев в этом памятном месте. В Ясную Поляну немцы вошли 29 октября 1941 года. 1-го ноября туда прибыл Гейнц Гудериан. В знаменитой усадьбе расположилось командование 24-го танкового корпуса барона Гейера. Входящая в это соединение ударная танковая бригада полковника Генриха Эбербаха три дня безрезультатно штурмовала Тулу, которая упорно не сдавалась. 2-я немецкая танковая армия несла большие потери. Гудериан был крайне удивлен и раздосадован заминкой в наступлении, срывался его план быстрого удара на Москву по прямой дороге. Он лично решил проинспектировать свои передовые части, ему захотелось разобраться в причинах неудач.

У дома графа Толстого он увидел широкие козлы из неошкуренного дерева, на которых висела туша могучего быка, и трое солдат плоскими карабинными штыками сдирали с него шкуру. Вывалившиеся из чрева животного кишки мотались по снегу, оставляя на морозе крупные капли замерзшей крови. От такой натуралистической картины Гудериана передернуло, слащавый запах крови затруднял ему дыхание. Гудериан запахнул шинель, прикрыл рот меховым воротником и шагнул вперед, к ожи-

давшему его командующему 24-м корпусом. Полковник Эбербах докладывал фальцетом, срывая слова и жестикулируя, видно было, что он в крайнем возбуждении:

— Мой генерал, я не ожидал такого упорного сопротивления русских под Тулой. Они перекрыли подступы к городу минными полями, противотанковыми рвами, а по направлению моего движения вырыли в мерзлую землю зенитки и пушки и настильным прямым огнем расстреливают мои танки. Разбиты уже более семидесяти машин, еще пара дней моего штурма Тулы и русские сдерут с меня шкуру, как вот с этого быка,— Эбербах обреченно махнул рукой в сторону окровавленной туши.

Вперед вышел генерал Гейер фон Швеппенбург, командующий 24-м танковым корпусом:

— Ваше превосходительство, нам не взять Тулу в лоб, мы думали, что это обычный русский город с деревянной дверью — типа Орла, а здесь оказалась чугунная дверь, которая не поддается нашим ударам и не желает открываться и пропускать нас к Москве. Предлагаю обойти Тулу с востока и выйти к Коломне, за спину этому генералу Жукову. Он нас не ожидает с той стороны. Не он нас, а мы освежаем Жукова, сдерем с него шкуру. А там недалеко будет и до Сталина.

— Кто обороняет этот город, какой генерал командует обороной Тулы? — спросил Гудериан.

— Пятидесятая русская армия. Разведка доложила, что ею командует малоизвестный русский генерал Ермаков. Он отличается большим упорством, мы под Трубчевском, Вязьмой и Брянском три раза окружали его армию, а он каким-то образом выскальзывал из рук.

С северо-востока слышалась сильная артиллерийская канонада, рядом где-то в парке звучали короткие звонкие разрывы ручных гранат.

— Русские генералы за эти полгода научились воевать, многие из них необыкновенно умны и храбры, но надо сломить их силы быстрыми обходными прорывами, необходимо взять Тулу и выйти к Москве с востока.

Гудериан оглянулся вокруг, поморщился, увидев снова окровавленную тушу быка, потом ровным голосом приказал:

— Покажите мне дом и могилу этого русского писателя Толстого. Er schrieb ein grosses Buch uber Napoleon.*

Гудериан ничего не осматривал, просто прошел через дом, зато порученец-адъютант Бюсинг, идущий за ним, захватил с собой две фотографии Льва Толстого, якобы на память своему командиру. Затем по глубокому снегу, пробитому колесами тяжелых вездеходов, Гудериан с офицерами прошел к могиле великого писателя. Вдоль аллеи безмолвно взирали на немцев вековые дубы, лишь иногда вздрагивая от близких разрывов гранат.

— Там что, бой идет? — спросил Гудериан у Эбербаха. — Почему рвутся гранаты?

— Нет, герр генерал, — ответил полковник, — вчера с позиции привезли более полусотни офицеров и унтер-офицеров, погибших при штурме этой Тулы. Генерал фон Гейер приказал капеллану похоронить их тут же, рядом с могилой графа.

— Да, — отозвался фон Гейер, — для русских этот Лео Толстой святой, и могила его святая, русские ходят кланяться и молиться сюда. Пусть русские кланяются и молятся и нашим храбрым офицерам, погибшим сегодня, но принесшим в эту варварскую страну гуманность и порядок.

Земля в Старом заказе у оврага промерзла в эту осень глубоко. Немецкие солдаты шурфили верхний слой, закладывали в шурф гранату с динамитом и взрывали землю для устройства больших общих могил. При приближении генералов землекопы встали по стойке смирно. Замерзшие, полураздетые трупы офицеров валялись рядом впо-

* Он написал большую книгу о Наполеоне.

валку, словно большая поленница гнилых дров. Солдаты сдирали со своих мертвых сослуживцев теплую одежду. Холодно было.

— Где могила Толстого? — поморщился от увиденного Гудериан.

— Так вот она, — резво ткнул полковник Эбербах на продолговатый, полузанесенный снегом бугорок земли.

— Я слышал, что Толстой аскет, — пробормотал Гудериан, — но не думал, что настолько, чтобы родовитый русский граф лежал в крестьянской могиле.

Гудериан подошел вплотную к могиле писателя, помолчал полминуты, а потом твердо сказал:

— Граф, я пришел освободить Россию от евреев и коммунистов, я пришел дать русским волю!

Резко стих ветер, перестали качаться деревья, и Гудериан вдруг услышал старческий глухой голос: «Россия не нуждается в заботе немцев, она воспрянет сама без их помощи»...

Примечание: Спустя лишь месяц после освобождения Ясной Поляны, в начале января 1942 года могила Льва Николаевича Толстого была полностью восстановлена. Яснополянцы зимой вырыли 83 фашистских трупа, вывезли их с территории усадьбы и захоронили за рекой Воронкой, в двух ямах, оставшихся от взрывов авиационных бомб.

...Фронт обороны Тулы в эти дни растянулся от Алексина до Ефремова длиной около 200 км. Генерал Ермаков, чувствуя наивысшую опасность для Тулы, стремление Гудериана во что бы то ни стало, не считаясь с потерями, захватить город, своим приказом № 5 от 30.10.1941 г. создал Тульский боевой участок. Его командующим назначил своего заместителя, генерал-майора Попова, в состав ТБУ включил 217-ю стрелковую дивизию и еще шесть стрелковых полков. Штаб находился в здании обкома партии.

31 октября, используя рельеф местности для накапливания сил, Гудериан силами до 100 танков и до полка пехоты восемь раз производил атаки на части армии Ермакова с южного направления. Наземные войска широко поддерживала авиация. Все атаки были отбиты. Солдаты сутками сидели в окопах и танках, постоянно участвуя в боях. Потери с обеих сторон были значительные, но советским армейским частям помогали в обороне Тульский рабочий полк, части Тульского гарнизона и в немалой степени население.

К тому же, Ставка Верховного Главнокомандования и командующий Западным фронтом маршал Г. К. Жуков внимательно следили за боями под Тулой и передислоцировали в помощь 50-й армии ряд свежих соединений. В т. ч. в распоряжение генерала Ермакова поступила 413-я стрелковая дивизия, которая спешно выгрузилась в Сталиногорске.

Это соединение имело перед собой задачу организовать непосредственную оборону Сталиногорска и не допустить продвижения противника в сторону Рязани. Нельзя было дать врагу возможность ударить на Москву с юго-востока и окружить ее. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования 413-ю стрелковую дивизию направили в район Дедилова, станций Узловая и Маклец, где она сразу вступила в бой.

Период со второго по шестое ноября характеризовался увеличением активности противника главным образом западнее Тулы и усиленной разведкой в районе Дедилова. Атаки с юга на Тулу Гудериан не прекратил, но они предпринимались меньшими силами, чем прежде.

Гудериан был в смятении, не зная, что предпринять. Армия его таяла, горели танки, сотнями погибали солдаты и офицеры, а Тула не сдавалась. Она выглядела неприступной цитаделью, и Гудериан не понимал, откуда взялись силы у 50-й армии, которую он уже дважды окружал, и казалось, что она должна была уменьшиться до

минимума, но армия полностью возродилась, словно птица феникс, и снова стояла у него на пути.

Хотелось завыть волком немецкому генерал-полковнику от неудач в эту студеную русскую погоду. А тут еще фельдмаршал фон Клюге висел над головой Гудериана и жарко дышал ему в затылок:

— Ты почему не можешь взять Тулу, Гудериан? Почему ты перед этим городишкой стоишь на одной ноге, как нищий инвалид? Гудериан, ты не быстроходный Гейнц! Ты тихоходный Гейнц! Ты малоподвижный трактор, ты не танк! Ты черепаха, Гейнц! Ты позволяешь русским в упор расстреливать немецкие танки. Ты забыл, что такое танковый охват, железные клещи, стальные клинья. Ты все забыл, Гейнц, ты перестал думать! Ты неудачник, Гейнц. Тебе пора уходить, Гудериан! Иди, отдохай на теплой постели со своей любимой толстой Маргаритой. Мне не нужны такие генералы!

Фон Клюге в крике переходил на прямые оскорбления, Гудериан едва сдерживал волю, чтобы не поехать в штаб группы и не застрелить обидчика. Он так любил свою жену Маргариту, которую не видел уже полгода, а этот грязный пес Ганс Клюге позволяет себе оскорблять ее. «Проклятый, грязный Ганс, ты догавкаешься, я застрелю тебя как паршивого пса, и фюрер простит меня. Будет тебе возмездие, Ганс, за оскорбление моей фрау!» — думал про себя генерал. А тут еще разведка донесла 27 октября о подходе новых русских дивизий с востока. Гудериан начал думать о переброске 53-го армейского корпуса на участок Епифань — Сталиногорск. Генерал так описывал этот момент:

«Ввиду невозможности взять Тулу с фронта, генерал барон фон Гейер предложил мне обойти город с востока. Я согласился с этим предложением и приказал ему наступать в направлении на Дедилово и захватить переправу на реке Шат. Когда авангард 53-го армейского корпуса приблизился 2 ноября к населенному пункту Теплое, он неожиданно натолкнулся на противника. Это была крупная русская группировка, состоящая из двух кавалерийских дивизий, пяти стрелковых дивизий и одной танковой бригады».

Вот как об этом моменте пишет известный тульский писатель-исследователь Николай Наумович Дронов в своей книге «Разные судьбы»: *«Но и новый вынужденный (обходной) маневр не удался немцам. Их 53-й армейский корпус, усиленный 5-й танковой бригадой Эбербаха, в районе населенного пункта Теплое встретила 3-я армия Героя Советского Союза генерал-майора Я. Г. Крейзера, направленная командующим Брянским фронтом генерал-майором Г. Ф. Захаровым на выручку 50-й армии. Встречное сражение продолжалось до 13 ноября, после которого враг, хотя и потеснил войска 3-й армии, но окончательно потерял надежду взять Тулу».*

11 ноября Ставка Верховного Главнокомандования расформировала Брянский фронт, и 50-я армия была передана Западному фронту, которым командовал генерал армии Г. К. Жуков. Георгий Константинович немедленно удлинил полосу обороны 50-й армии, включив в нее оборону Узловой и Сталиногорска. Держать стокилометровое пространство силами ослабленной в жестоких боях 50-й армии было чрезвычайно трудно. Благоприятной ситуацией сразу воспользовался Гудериан, он начал активные боевые действия восточнее Тулы.

53-й немецкий армейский корпус наступал на участке фронта Волово — Дедилово. 14 ноября 167-я и 112-я пехотные дивизии двигались на Ломовку, Богородицк и Епифань. 15 ноября Богородицк был взят противником практически без боя. Но после Богородицка наступление немцев приостановилось на несколько дней.

Здесь мы воспользуемся свидетельством Виталия Алексеевича Богомолова из его книги «Оборона и освобождение Сталиногорска в 1941 году». Он пишет:

«15 ноября 1941 года 239-я стрелковая дивизия (командир — полковник Мартиросян Гайк Оганесович), выгрузившись на станции Узловая, сходу вступила в схватку».

ку с противником, и в течение двух суток вела оборонительные бои, обеспечивая выгрузку прибывающих эшелонов с частями дивизии. С утра 18 ноября 1941 года противник предпринял серьезную атаку силами 112-й и 167-й пехотных дивизий со стороны Богородицка, поставив задачу пробить нашу оборону с юго-запада в сторону Узловой и Сталиногорска-1»

Бой выглядел примерно следующим образом. 112-я немецкая пехотная дивизия (командующий генерал-лейтенант Фридрих Мит) уже два дня находилась в Богородицке. Здесь же в Богородицке располагался также штаб 112-й немецкой дивизии. Утром 18 ноября противник начал выдвигаться из Богородицка на линию опушки Богородицкого леса, на деревни: Юлинка, Крутой Верх. Но перед этим ночью здесь на линии Юлинка — Притоны — Федоровка занял позиции наш 817-й стрелковый полк 239-й стрелковой дивизии. Начался бой, который Гудериан описывал очень мрачно и с душевным расстройством:

«17 ноября мы получили сведения о выгрузке сибиряков на станции Узловая, а также о выгрузке частей на участке Рязань — Коломна. 112-я пехотная дивизия натолкнулась на свежие сибирские части. В виду того, что одновременно дивизия была атакована русскими танками из направления Деделово, ее ослабленные части не были в состоянии выдержать этот натиск. Оценивая их действия, необходимо учитывать, что каждый полк уже потерял к этому времени не менее 400 человек обмороженных, автоматическое оружие из-за холода не действовало, а наши 37-мм противотанковые пушки оказались бессильны против русских танков Т-34. Дело дошло до паники, охватившей участок фронта до Богородицка. Эта паника, возникшая впервые со времени начала русской кампании, явилась серьезным предупреждением, указывающим на то, что наша пехота исчерпала свою боеспособность и на крупные успехи уже была неспособна. Положение на фронте 112-й пехотной дивизии исправлено собственными усилиями 53-го армейского корпуса, который повернул 167-ю пехотную дивизию на Узловую».

Такое перемещение частей 2-й танковой армии Гудериана не осталось без внимания командующего 50-й армией А. И. Ермакова. Он сразу разгадал хитрый замысел танкового генерала. Аэроразведка донесла ему информацию о движении немецкой армии к Теплому и завязавшихся там тяжелых боях. Генерал-майор Крейзер прислал донесение о том, что немецкая армия прорвалась в обход Тулы с востока. Ермаков пришел к выводу, что Гудериан решил взять Тулу в полное окружение, в танковую удавку и давить небольшими силами, а самому со всеми частями двинуться на Москву. Надо не дать его удавке затянуться на шее Тулы, нужно опередить Гудериана.

В ночь на девятнадцатое ноября Ермаков срочно переправил из-под Тулы на Веневское и Сталиногорское направления ударную 108-ю танковую дивизию, 11-ю танковую бригаду, 31-ю кавалерийскую дивизию и еще пять боевых артполков, сняв эти части с более защищенных направлений обороны Тулы. Вся эта группа войск составляла примерно одну треть частей оборонявших город.

Под Тулой на оборонительных рубежах остались пять стрелковых дивизий, пять стрелковых отдельных полков, два дивизиона «Катюш», знаменитый полк НКВД, легендарный Тульский рабочий полк, не менее славный 732-й зенитно-артиллерийский полк. В Туле остались: командир Тульского боевого участка генерал-майор В. С. Попов (его позже сменил генерал-майор Я. С. Фоканов). Кроме того, в Туле энергично действовал комендант гарнизона полковник А. К. Мельников.

Ермаков считал, что данных сил хватит для обороны Тулы, так как наступление на Тулу у Гудериана выдохлось, и оставшиеся боевые единицы он как раз и двинет в восточный обход Тулы. Это было правильное решение командующего 50-й армией, его одобрили многие военные историки, исследовавшие события Московской битвы. Вместе с приказом о передислокации воинских частей Ермаков отдал приказ о перемещении штаба 50-й армии во главе с его начальником Н. Е. Аргуновым в Венев.

О своих перемещениях и приказах Ермаков не сообщил председателю Городского комитета обороны В. Г. Жаворонкову, и это была большая политическая ошибка командующего 50-й армией. Жаворонкова ошеломило известие о том, что Ермаков без предупреждения и совета с ним снял боевые части с обороны Тулы и увел в неизвестном направлении. А еще более разозлило секретаря то, что генерал Ермаков решил «драпать» со своим штабом подальше от Тулы. Жаворонков заявил:

— Трус генерал Ермаков, паникер, а не командующий, надо срочно с ним разобрататься в партийном и судебном порядке. Он хуже Куркина! Тот боялся Гудериана, но воевал с ним, а этот надменный хлыщ в генеральском звании бежит от Гудериана, как гонимый заяц. Надо убирать его к черту!

Отношения Ермакова и Жаворонкова в течение последнего огненного месяца под Тулой и в самой Туле совершенно не складывались. Ермаков не признавал главенства Жаворонкова в обороне Тулы, можно сказать, игнорировал первого секретаря обкома партии, а Жаворонков не являлся на заседания Военного Совета 50-й армии, членом которого был назначен. У него тоже было предостаточно партийного гонора: «Коммунистическая партия руководит всеми процессами в стране, в том числе и обороной страны», — так считал партийный секретарь.

Вместе с тем Жаворонков проводил большую организаторскую, политическую и военную работу. Он руководил оставшимися в городе оборонными предприятиями, организовывал функционирование всех жизнеобеспечивающих систем города, ежедневно находился на переднем крае обороны Тулы. У Жаворонкова многое получалось в организации обороны Тулы, не удавалось только наладить отношения с командующим 50-й армией генералом Ермаковым. А тут еще пошли наветы на генерала Ермакова со стороны партийных руководителей городов и районов Тульской области.

Жаворонков писал: *«В ночь на 20 ноября 1941 года секретарь Сталиногорского горкома партии И. С. Голубенков и секретарь обкома партии по оборонной промышленности Б. М. Агафонов сообщили мне, что войска, обороняющие Сталиногорск, получили приказ командующего 50-й армией А. Н. Ермакова об оставлении Сталиногорска».*

У Василия Гавриловича помутилось сознание: «Отдать без боя врагу Сталиногорск, город Сталина, предать имя, которое носит город, это значит предать самого Вождя — товарища Иосифа Виссарионовича Сталина. Это измена, это удар в спину Советского Союза!»

Жаворонков встретился в ночь на 21 ноября с генералом Ермаковым в присутствии Н. И. Чмутова и В. Н. Суходольского. Разговор был острый и очень напряженный.

В. Г. Жаворонков писал в своем очерке «Непокоренная Тула»:

«Мне не просто было определить, то ли здесь имеет место измена, то ли проявляется трусость, или полное непонимание обстоятельств, а, как известно, на деле трусость всегда идет рядом с изменой и предательством. Мы отвергли предложение Ермакова об уходе штаба и командования из города, требовали этого не делать и заявляли, что партийное и советское руководство города и области Тулу не оставит, никуда не пойдет и сдавать город врагу не будет».

А Ермаков, выслушав Жаворонкова настаивал на своем:

— Враг активно наступает на Сталиногорск, причем, пошел в обход его и рвется к Кашире. Я как главнокомандующий 50-й армией должен быть перед фронтом наступления Гудериана и руководить своей армией, а не отсиживаться в Туле, которой в настоящий момент ничто не угрожает. У немцев нет сил, чтобы в ближайшую неделю захватить Тулу.

И генерал со своим штабом уехал в Венев.

Жаворонков Василий Гаврилович таким поведением Ермакова был взбешен и

той же ночью от имени городского комитета обороны дал на имя Сталина телеграмму, в которой заявил: *«Командование 50-й армией не обеспечивает руководство разгромом немецко-фашистских людоедов на подступах к Москве и при обороне Тулы. Поведение военного командования может быть характеризовано, как трусливое, по меньшей мере. Просим ГКО, Вас товарищ Сталин, укрепить военное руководство 50-й армии».*

Телеграмму подписали: В. Г. Жаворонков, Н. И. Чмутов, В. Н. Суходольский.

21 ноября 1941 года, во второй половине дня, Жаворонкову позвонил член ГКО Георгий Михайлович Маленков и сообщил:

— Ваша телеграмма товарищем Сталиным рассмотрена, просьба ваша удовлетворена, к вам завтра приедет новый товарищ, фамилию не сообщаем по понятным причинам.

Командовать 50-й армией прибыл Иван Васильевич Болдин — генерал-лейтенант, который первым делом посетил Тульский городской комитет обороны и представился Жаворонкову. Генерал-майор Ермаков сдал дела в Веневе Болдину и уехал в Москву.

В. Г. Жаворонков этой скоропалительной, основанной на личной неприязни телеграммой испортил всю доблестную военную службу генералу Ермакову. Кто виноват в этом — Жаворонков или сам Ермаков, трудно сказать. Известно одно, Жаворонков защищал Тулу, а генерал Ермаков защищал Москву и всю Россию. Но оба они были великими патриотами Родины. Сегодня легко рядить, кто виноват и кто прав. А тогда все было в дыму и крови, светлого горизонта было не видно, каждый воин и политик защищал свои интересы. Но Сталин поверил партийному руководству и без разбирательств отстранил Ермакова от командования.